Йоханнес Дик

Исторические корни и соотношение конфессиональных и этнических границ в меннонитской идентичности в СССР

Johannes Dyck

The Historical Roots and the Correlation of Confessional and Ethnic Elements within Mennonite Identity in the USSR

Johannes Dyck — Director, Institute of Theology and History, Bibelseminar Bonn (Germany). jdyck@bsb-online.de

The article examines historical roots and dynamics of Mennonite identity in USSR *using the concept of an ethno-confessionality, introduced to Soviet religious studies by Alexei N. Ipatov. As a result of secularization, in the beginning of the 20th century a part of Mennonites gave up religion but continued to regard themselves Mennonites by culture, and Mennonite identity ceased to be strictly religious. During the Civil War, the confessional identity lost its traditional core — obligatory nonresistance. Ethnic assimilation and loss of German language have been forced by the deportation of 1941 and special settlement. The number of Mennonite identity carriers significantly dropped due to the bitter struggle with religion. Many Mennonites joined the Evangelical Christian-Baptists producing a further erosion of identity. After decline of religious persecutions, reproduction of Mennonite identity could take place in rare Mennonite congregations and families. As a result, Mennonite identity did not disappear but significantly changed.*

Keywords: identity, Mennonites, Germans, ethno-confessional community, Evangelical Christian-Baptists, deportation.

В 1978 ГОДУ произошло знаковое для советской литературы о меннонитах событие: религиовед А. Н. Ипатов в своей очередной книге назвал их общность *этноконфессио-*

нальной[1]. Есть все основания полагать, что к своим обобщениям и выводам он пришел во время работы в Оренбургском обкоме КПСС в 1961–1970 гг. — во времена, когда в этой области еще существовало два компактных поселения меннонитов. Они возникли в 1890-х годах и даже сохранили веру и традиции, несмотря на период жестоких преследований в 1930-е и полосу сильных притеснений в 1958–1964 гг.[2] Общение Ипатова с меннонитами сказалось и на выборе темы его кандидатской диссертации[3], первая глава которой имеет не допускающее многозначности заглавие «Взаимосвязь религиозного и этнического в идеологии и организации меннонитства».

Ипатов соотносил понятие «этноконфессиональный» прежде всего с изолированными сообществами. С той же коннотацией оно употреблялось в этнографии[4], откуда он перенес это понятие в религиоведение. Впоследствии в своей докторской диссертации он распространил это понятие на другие изолированные группы[5]. В применении к меннонитам этот термин был безоговорочно принят и без каких-либо заметных дискуссий вошел в российскую историографию[6]. Правда, в последние два десятилетия термин утерял коннотацию изолированности.

Этноконфессиональный контур, очерченный Ипатовым, вполне совпадал с самосознанием меннонитов в Советском Союзе, но имел несколько отвлеченный характер, хотя и основывался на материале, собранном в Оренбургской области. Ипатовское

1. *Ипатов А. Н.* Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М.: Мысль, 1978.
2. Воспоминания меннонитов Оренбургской области о послевоенном времени см., например: *ДикД.* Виноградник в прекрасном месте: Сузаново (1911–2011). Нюмбрехт, б. и., 2011; *Neu Samara am Tock (1890–2003): Eine mennonitische Ansiedlung in Russland östlich der Wolga*. (2003) Warendorf, б. и.; Janzen, D. (2011) *Das Abendrot der Gemeindezeit: Mennoniten-Brüdergemeinde Donskoje 1901–2000*. Warendorf, б. и.
3. *Ипатов А. Н.* Проблема религиозного и национального в современном меннонитстве. Дис. ... к. философ. н. М., 1971.
4. ср. *Ипатов А. Н.* Меннониты. С. 3.
5. *Ипатов А. Н.* Этноконфессиональная общность как социальное явление. (Проблемы взаимодействия религии и этноса). Автореферат дис. ... д. философ. н. М., 1980.
6. См., например: Этноконфессия в Советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы./Сост. Савин А. И. Новосибирск: Посох, 2006; Этноконфессия в Советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы/Сост. и научн. редактор Савин А. И. Новосибирск: Посох, 2009.

описание распада этноконфессиональной общности меннонитов[7] касается прежде всего утраты религиозности, ставшей во многом результатом ожесточенной борьбы с религией и ее носителями в 1930-е годы, которую он даже не упоминает, следуя канонам советской историографии. Вместе с тем именно в бытность Ипатова в Оренбургской области имел место ренессанс религиозности среди меннонитов и их потомков. Меннонитская идентичность не перестала существовать. Лишившись многих прежних источников, она обрела ряд новых черт.

Прежде чем обратиться к теме собственно меннонитской идентичности, дадим короткую историческую справку. Меннониты — северное крыло Радикальной Реформации XVI в. — начали селиться в России начиная с 1789 года. Страной их исхода была Пруссия. Все переселившиеся в Россию меннониты были немцами, но далеко не все немецкие колонисты были меннонитами. Российское правительство выделило для их расселения земли в Южной России. В 1860-е гг. в результате демографического роста в колониях стал ощущаться острый недостаток земли, что привело к организации дочерних колоний поначалу в той же Южной России, а затем и в ее восточных регионах — Оренбуржье, Омском регионе и на Алтае. Последние меннонитские колонии были организованы уже при Советской власти в 1927 г. на Дальнем Востоке[8]. В 1920-е гг. количество меннонитов в СССР оценивалось в 100 тыс.; около 40% из них жили на территории РСФСР[9], то есть вне первоначального ареала расселения, который к тому времени входил уже в Украину. В конце 1980-х — начале 1990-х годов подавляющее большинство меннонитов эмигрировало в ФРГ.

Сохранив на протяжении нескольких поколений немецкую культуру и этническую гомогенность, меннониты России не смогли сохранить свою конфессиональную целостность. Самым значительным оказался раскол 1860 года, когда из основного потока выделились братские меннониты. Известное из пиетизма сильное эмоциональное переживание обращения к Богу и вследствие этого уверенность в личном спасении было известно и среди меннонитского мейнстрима, но стало обязательным требованиям для

7. *Ипатов А. Н.* Меннониты. С. 131 и сл.

8. Krahn, C and Sawatsky, W. (2011) «Russia», *Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online* [URL: http://gameo.org/index. php? title=Russia#Daughter_Settlements_2, доступ от 30.06.2014].

9. Ehrt, A. (1932) *Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart*, s. 152. Langensalza: Julius Beltz.

членства в меннонитской братской общине. Кроме того, под влиянием баптистов Германии они ввели у себя обязательное крещение погружением, отвергнув традиционную форму окропления. Десятилетием позже братские меннониты оказали решающее влияние на возникновение баптистских общин среди русскоязычного населения Южной России. Главным различием с русскими баптистами был язык. Неприязнь между основной группой меннонитов и братскими меннонитами сохранялась на протяжении первых пятидесяти лет; в советское время отношения между ними были уже не враждебными, но холодными. В то же время братские меннониты оставались частью более обширного меннонитского сообщества. В мировом меннонитстве братские меннониты остались меньшинством, хотя и влиятельным. Только в России и СССР меннонитское большинство называли *церковными меннонитами*. Следуя общепринятой в мировом меннонитском сообществе практике, в настоящей статье меннониты мейнстрима именуются без прилагательного *церковные*.

В обширной меннонитской историографии вопросам идентичности до сих пор уделялось мало внимания, а вопросы меннонитской идентичности в России и СССР не рассматривались вовсе. Настоящая статья имеет своей целью изучение специфической для России и СССР динамики идентичности меннонитов как маргинальной группы в условиях радикальных социальных преобразований, интенсивного конфессионального взаимодействия и оживленных этнических процессов.

Развитие этнической составляющей меннонитской идентичности в условиях добровольного и вынужденного рассеяния

Меннонитам Оренбуржья не пришлось пережить депортацию всех советских немцев из европейской части страны осенью 1941 года после начала Великой Отечественной войны. То же самое преимущество перед другими немцами страны имели и меннониты Омской области и Алтайского края, которым не пришлось начинать новый жизненный этап на новом месте под надзором спецкомендатуры почти без средств к существованию. Они, однако, были исключением. Депортированные же немцы, меннониты в том числе, оказались рассеяны по огромной территории Сибири и Центральной Азии, не имея права оставлять новое место жительства. В сочетании с мобилизацией в Трудовую ар-

мию всех трудоспособных мужчин и многих женщин в 1942 году это создало новую географию расселения немцев, в том числе меннонитов, в СССР.

Депортация в корне изменила социальный контекст места обитания меннонитов: подавляющее большинство из них до 1941 года были жителями бывших компактных немецких колоний, сохранивших культуру и прежде всего язык. В судьбе российских меннонитов колонии сыграли особую роль. До переселения в Россию, которое началось при Екатерине II и завершилось в начале 1860-х годов, меннониты выделялись из остального населения прежде всего по конфессиональному признаку. Российское правительство определило для них, как и для огромного большинства крестьянских переселенцев, новую форму совместного проживания — замкнутые колонии, гомогенные по конфессиональному и национальному признаку, имевшие локальное самоуправление и собственные школы. Первые три поколения меннонитских переселенцев жизнь в колонии настолько спаяла, что, когда в 1871 году сословие колонистов было ликвидировано и они получили новый статус поселян-собственников, они уже не мыслили жизни без привычной колонистской формы. Даже десятилетия спустя, когда в 1930-е гг. меннонитские беженцы из СССР начинали новую жизнь в Парагвае, они выбрали для себя привычную им структуру социальной организации в форме колонии. Впрочем, это был их единственный шанс выжить в тяжелом климате провинции Чако[10].

Введенная российским правительством в XVIII веке форма колонии оказалась весьма эффективным способом социального сплочения. Она достигла своих первоначальных целей, быстро обеспечив экономическую независимость и процветание. Вместе с тем она создала идеальные условия для консервации культуры страны исхода и воспроизводства идентичности. Ко времени экономического расцвета колоний во второй половине XIX в. колонии превратились, образно говоря, в островки европейской культуры немецкого типа в окружении российского населения. Предпочтительным местом получения образования колонистов, прежде всего педагогического, а затем и гуманитарного и технического, стали учебные заведения Швейцарии и Германии. Колонии и колонисты активно участвовали в трансфере промышлен-

10. Ratzlaff, G. (2001) *Ein Leib — viele Glieder: Die mennonitischen Gemeinden in Paraguay,* s. 23. Asunción: Gemeindekomitee.

ных технологий из Европы, в домах колонистов читали немецкие книги и периодику. Все это еще более укрепляло роль немецкого языка в среде российских немцев. В России в начале XX в. все еще можно было прожить без знания русского языка, а идеалы россиян немецкого происхождения даже в четвертом поколении все еще питались культурой страны исхода — Германии.

Особенным атрибутом идентичности российских меннонитов был нижненемецкий диалект *платтдойч (Plautdietsch)*. Его привезли с собой из Западной Пруссии меннониты первой фазы иммиграции в 1789–1820-х гг. Переселенцы второй фазы, значительно меньшей по численности и состоявшейся значительно позже, в 1850-х гг., в силу культурной ассимиляции в ареале исхода уже не пользовались этим диалектом. Несмотря на это, в представлении российских немцев существовала стабильная ассоциация меннонитов и платтдойч[11].

Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (апрель 1905 года) в сочетании с манифестом о свободе совести, слова и собраний (октябрь 1905 года) открыл для граждан России возможность открыто обозначать себя вне церкви или определенного конфессионального сообщества. Спектр религиозности внутри меннонитского сообщества еще более расширился. До 1905 года в нем существовали два крыла — собственно меннонитская церковь, объединявшая широкий спектр верующих, и более требовательная к своим членам меннонитская братская община, возникшая под влиянием пиетизма в 1860 году. После 1905 года в меннонитском сообществе уже не стал предосудительным открытый отказ от веры: секуляризация и здесь приняла зримые очертания. Впрочем, даже отошедшие от веры претендовали на то, чтобы продолжать называться меннонитами и считаться членами сообщества. Они получили наименование меннонитов по культуре (*Kulturmennoniten*). Б. Унру назвал этот процесс переходом меннонитства из культового в культурное сообщество[12]. В это время окончательно сформировались все предпосылки для того, чтобы называть меннонитское сообщество этноконфессиональным.

11. Reimer, J. (2007) «Mennonite rede Plautdietsch. Konfessionalität und Sprache unter Plattdeutschen der ehemaligen UdSSR», *Mennonitische Geschichtsblätter* 64: 57.

12. Unruh, H. (2009) *Fügungen und Führungen: Benjamin Heinrich Unruh (1881–1959): Ein Leben im Geiste christlicher Humanität und im Dienste der Nächstenliebe*, s. 55. Detmold: Verein zur Erforschung und Pflege des Russlanddeutschen Mennonitentums.

Секуляризация внесла свой вклад в продолжающуюся диверсификацию меннонитского сообщества. К разнообразию конфессионального спектра добавился нецерковный элемент. Центральной руководящей инстанции, которая бы устанавливала конфессиональное направление развития и определяла, кто является меннонитом, а кто — нет, не существовало. Начиная с 1880-х гг. церковные и братские меннонитские общины испытывали на себе влияние идей Всемирного евангельского альянса и движения освящения. Меннонитская братская община едва не пережила в своих рядах раскол; возникла новая разновидность меннонитства — евангельские меннонитские общины. На меннонитский мейнстрим продолжал оказывать свое влияние пиетизм. С одной стороны, это приводило к размыванию меннонитского профиля, с другой — еще раз подчеркивало, что к началу Первой мировой войны гомогенной меннонитской идентичности, которую можно было бы возвести в стандарт, не существовало. Она давно уже была гетерогенной, что, впрочем, типично для свободных церквей.

В начале XX в. в российском меннонитстве появились предпосылки для того, чтобы поднять свое историческое самосознание на новый уровень. Идентичность стала подпитываться сознательным интересом к собственной истории, пробуждению которого способствовало широкое празднование столетия поселения меннонитов в России в 1889 году, отмеченное, среди прочего, рядом публикаций исторического плана. Новым стимулом этого интереса послужило издание в 1911 году монументального тысячестраничного труда по истории меннонитов в России[13]. Примерно в то же время вышел ряд других работ по истории. В меннонитском сообществе появился первый историк со степенью доктора, защитивший диссертацию в университете Лейпцига[14]. Началась дискуссия о преподавании истории в меннонитских школах[15]. На той же волне исторической самоидентификации Всеобщая конференция меннонитских общин 6–8 июня 1917 года приняла решение о создании меннонитского архива[16]. Предреволюцион-

13. Friesen, P.M. (1911) *Die Alt-Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte.* Halbstadt: Raduga.

14. Friesen, A. (2006) *In Defence of Privilege: Russian Mennonites and the State Before and During World War* I, p. 38. Winnipeg: Kindred.

15. Ibid., p. 38.

16. Selected Documents: The Mennonites in Russia from 1917 to 1930 (1975), p. 398. Winnipeg: Christian Press.

ный всплеск исторического самосознания стал важным элементом укрепления меннонитской идентичности.

Во время Первой мировой войны российские немцы, среди них меннониты, оказались вовлеченными в конфликт между враждующими державами в роли внутреннего противника. Антинемецкие кампании царского правительства не закончились с распадом Российской империи. Недоверие к немецким согражданам нашло свое отражение и в политике Советского государства. Основой принципиального конфликта между меннонитами и государством длиной в несколько поколений стала этническая компонента меннонитской идентичности.

В Первую мировую войну меннониты вошли патриотами своей страны[17]; всего через шесть лет, по завершении Гражданской войны, от их российского патриотизма не осталось и следа. Пришедшие в 1917 году к власти большевики лишили меннонитов права на собственность, перераспределили их землю и национализировали их предприятия. Основа меннонитского благосостояния рухнула. Колонии были номинально упразднены. Произошел первый надлом меннонитской идентичности: патриотизм внезапно сменился внутренним противостоянием Отечеству. В результате около двадцати тысяч меннонитов, то есть свыше 15%, в середине 1920-х годов покинули СССР.

Глубоко конфессиональный характер меннонитской идентичности усилил внутреннее противостояние с новой антирелигиозной властью. Власти большевиков так и не удалось методами убеждения увлечь за собой массы меннонитов, по-прежнему живших ценностями веры и идеалами колонии. Опираться она могла лишь на отдельных их представителей, прошедших социализацию за пределами колонии. Испытания Гражданской войны в итоге оказали консолидирующий эффект на конфессиональную компоненту меннонитской идентичности. В 1918 году часть меннонитов в украинских колониях вступила в местные отряды вооруженной самообороны. Многочисленные банды оказались сильнее; защитный эффект от отрядов оказался незначительным. Сцены расправ бандитов над безоружными жителями с десятками жертв вытеснили из коллективной памяти вооруженные акции самозащиты; в итоге традиционная конфессиональная по-

17. Friesen, P. M. *Brüderschaft*, p. 492; Loewen, H. (1979) «The German-Russian Tensions among the Mennonites in Russia (1789–1917)», in Friesen, A. (ed.) *P. M. Friesen & His History: Understanding Mennonite Brethren Beginnings*, p. 142. Winnipeg: Christian Press.

зиция непротивления взяла верх над прагматизмом защитников. Всего лишь через несколько лет, в январе 1925 года на своем съезде в Москве меннониты единственные из спектра евангельских общин подтвердили свою приверженность принципу непротивления. Через четыре десятилетия, во время антирелигиозной кампании при Н. С. Хрущеве, давний меннонитский отказ от оружия стал основанием для обвинения секты меннонитов в реакционной направленности и отказе от регистрации[18].

В 1920-е годы меннониты осуществили несколько попыток создать с целью защиты собственных прав организации с неконфессиональной окраской. К ним относится Союз граждан голландского происхождения на Украине, а также Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз. Оба они просуществовали недолго и были закрыты властями, не успев оказать существенного влияния на меннонитскую идентичность в СССР.

Борьба за сохранение меннонитской идентичности вышла на новый качественный уровень с началом широкой коллективизации и нового витка повсеместной борьбы с религией в 1929 году. Вся мощь удара пришлась по остаткам социальной основы меннонитства — колониям, и по их важнейшему сохранившемуся социальному институту — церкви. В начале 1930-х годов церковные общины как основной фактор формирования меннонитской идентичности перестали существовать; их руководство было арестовано. В 1934 году в немецких колониях прошла следующая волна арестов, в результате которой в исправительно-трудовых лагерях оказались церковные активисты. Репрессии 1937–1938 гг. унесли с собой остатки меннонитской конфессиональной и педагогической элиты — тех, кто мог бы активно формировать основы идентичности у следующего поколения. В те же 1930-е гг. погибли и большинство книг и периодических изданий, которые также могли бы оказать влияние на воспроизводство идентичности у следующего поколения.

Как уже указывалось ранее, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. повлекла за собой целый ряд мер по принудительному расселению немцев по территории Сибири и Средней Азии. До Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», то есть

18. ГАКО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 59, Л. 117–118. Автор признателен В. Фасту за указание на этот документ.

минимум четырнадцать лет они были вынуждены жить в условиях принужденного рассеяния. Часть меннонитов, будучи мобилизованными в Трудармию, оказались на больших стройках военного времени, другая часть — в сельской местности, среди иноязычного населения.

Этноконфессиональная меннонитская идентичность оказалась под двойным прессом. Будучи немцами по национальности, меннониты воспринимались как проигравшие две мировые войны. Доверие властей к немцам в целом и меннонитам в частности было утрачено. Среди немцев военного поколения наблюдается значительный спад уровня образования по сравнению и с окружающим населением, и с предыдущим поколением. Большинство немцев со временем освоились с этой ролью и не ждали благосклонного к себе отношения, уйдя во «внутреннюю оппозицию» и считая, что им терять уже нечего. Десятилетия спустя, после 1987 года, они при первой возможности покинули СССР.

Другим фактором, не позволявшим меннонитам «вписаться» в советское общество, был конфессиональный. До Указа 1955 года отдельных легальных немецких религиозных общин, в том числе меннонитских, не существовало. В пору выработки нового курса партии по отношению к религии в 1955–1958 гг. давление на верующих значительно ослабло, и в местах депортации возникло множество небольших нелегальных немецких общин. Осенью 1956 года СССР в качестве туристов посетили президент Всемирной конференции меннонитов Гарольд Бендер и проповедник из Канады, выходец из России Давид Винс, которым удалось встретиться с некоторыми меннонитами. Это вызвало определенный интерес у властей — Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР начал отслеживать ситуацию с меннонитами в стране[19]. Регистрировать общины меннонитов в стране власти, однако, не собирались, внеся их в список сектантских организаций, «деятельность которых носит крайне реакционный и антиобщественный характер»[20]. Отношение власти к ним несколько изменилось лишь после корректировки религиозного курса в 1964–1966 гг. Первая меннонитская община получила легальный статус лишь в декабре 1966 года[21].

19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 132. Л. 150.

20. ГАКО. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 60. Л. 22–23.

21. ГАРФ, Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3. Л. 63.

Динамика конфессиональной идентичности: меннониты среди баптистов

Несмотря на попытку тотального уничтожения религии, начатую в 1929 году, личная религиозность полностью не исчезла. Начиная с 1942 года на ряде объектов Трудармии на ее основе возникли неформальные межконфессиональные группы, которые собирались для совместных молитв[22]. В нелегальных условиях собирались и меннонитские репатрианты, которые пережили возрождение своей веры в Германии, куда были вывезены с Украины в 1943 году отступавшими немецкими войсками и возвращены в СССР после окончания войны. Небольшая часть меннонитской молодежи смогла в условиях Трудармии присоединиться к легально действовавшим после 1944 года общинам евангельских христиан-баптистов[23].

Конфессиональная составляющая меннонитской идентичности в условиях рассеяния оказалась перед лицом экзистенциальных испытаний. Многим молодым людям пришлось самостоятельно решать вопрос о сущности своей веры. Носители сильной меннонитской идентичности из числа церковных наставников им в этом помочь не могли — они либо эмигрировали в 1920-е гг., либо были ликвидированы в 1930-е гг. В условиях, когда даже Библия была редкостью, к религиозной литературе доступа не было. Основанием для решения могла стать в лучшем случае семейная традиция, носителями которой, в отсутствие отцов, стали матери[24].

Присоединение меннонитов к общинам евангельских христиан-баптистов — там, где это было возможным, — часто было единственным шагом для сохранения веры. А. Вейс из Алтайского края

22. Stricker, G. (1989) «Deutsches Kirchenwesen in der UdSSR nach 1941», in Basse, O., Stricker, G. (Hrsg.) *Religionen in der Ud*SSR*: unbekannte Vielfalt in Geschichte und Gegenwart*, ss. 161–175. Zollikon: G2W.

23. Я с вами во все дни до скончания века. Жизнь верующих и общин евангельских христиан-баптистов и меннонитов Караганды и Карагандинской области. Кн. 1. Караганда: б. и., 2001. С. 152.

24. Дик Д., Виноградник. С. 93, 110; Dyck, J. (2012) «A Root of Dry Ground: Revival Patterns in the German Free Churches in the USSR After World War II», *Journal of Mennonite Studies* 30: 102 со ссылкой на Wölk, G. (2000) «Frömmigkeit und gemeindliches Leben der Mennoniten in der Sowjetunion», in Hildebrandt, G., Hildebrandt, J. (Hrsg.) *200 Jahre Mennoniten in Russland: Aufsätze zu ihrer Geschichte und Kultur*, ss. 227–241. Bolanden-Weierhof: Verl. des Mennonitischen Geschichtsvereins.

выражает это следующим образом: «Это был выбор не между меннонитством и баптизмом, а между баптизмом и атеизмом»[25].

А. Вейс описывает условия, при которых принимались подобные решения. Это, во-первых, ожесточенная борьба с религией: по статистике Уполномоченного СДРК по Алтайскому краю, за один только 1964 год одна из семи нелегально действовавших меннонитских общин была ликвидирована, а количество меннонитов снизилось с 413 до 328, то есть на 20%. С другой стороны, по А. Вейсу, в ареале меннонитского расселения в Алтайском крае собственно меннонитские пункты консолидации верующих настолько сильно подавлялись, что в 1960-е гг. единственной такой точкой в регионе была не меннонитская, а родственная им община евангельских христиан-баптистов в Славгороде, позже вошедшая в Совет церквей ЕХБ[26].

Дистанция между меннонитами, прежде всего братскими, и евангельскими христианами-баптистами была минимальной. Главная причина сходства между ними имеет исторический характер. Как известно, именно братские меннониты играли активную роль в возникновении баптизма в Южной России в 1860-е гг. Их представитель Иоганн Вилер сформулировал первое официальное вероучение и помог сформировать структуры как на уровне общин, так и на межобщинном уровне[27]. После того как меннонитское сообщество в годы Первой мировой войны оказалось отрезанным от европейского контекста, баптисты стали их наиболее естественным союзником.

И братские меннониты, и русскоязычные баптисты представляли собой во многом продукт влияния немецкого пиетизма, подчеркивавшего примат личной веры и личного спасения. Пиетизм остался заметным явлением в религиозной жизни России и Советского Союза и в XX в. Упоминавшиеся ранее нелегальные молитвенные собрания 1940-х гг. были, по существу, пиетистскими. После Указов 1905 года о свободе совести в меннонитском мейнстриме роль пиетизма продолжала усиливаться, что отмечалось уже в 1920-е гг.[28] Наконец, в 1970-е гг. пиетизм в среде меннони-

25. Weiss, A. (2012) «The Transition of Siberian Mennonites to Baptists: Causes and Results», *Journal of Mennonite Studies* 30: 137.

26. Ibid., p. 136.

27. «Johann Wieler (1839–1889) Among Russian Evangelicals: A New Source of Mennonites and Evangelicalism in Imperial Russia» (1987), *Journal of Mennonite Studies* 5: 44–60.

28. Selected Documents, pp. 439–440.

тов одержал окончательную победу. Единственное, что их все еще отличало от братских меннонитов, — это форма крещения.

Пиетизм, возможно, стал одной из причин того, что церковные меннониты значительно утратили свои позиции в общем спектре. Если соотношение братских и церковных меннонитов в 1920-е гг. составляло ориентировочно 1 к 4[29], то в 1980-е гг. это соотношение было уже обратным[30]. Последствия бурного двадцатипятилетия 1929–1954 гг. были ощутимы даже впоследствии в Германии, куда большинство меннонитов эмигрировало в 1987–1992 гг. Количество членов в общинах братских меннонитов здесь соотносится с членством в церковных общинах, по некоторым оценкам, как примерно 6 к 1.

С момента восстановления общин в середине 1950-х гг. меннонитская идентичность вступила в конкуренцию с баптистской. После раскулачивания, депортации и Трудармии самые большие контингенты меннонитов и их потомков оказались в крупных городах. В некоторых из них уже раньше существовали общины евангельских христиан-баптистов, и меннонитам, в особенности братским, было значительно легче войти в баптистскую общину, чем организовать новую.

Евангельские христиане-баптисты в лице своего руководящего органа ВСЕХБ[31] охотно шли навстречу меннонитам. После евангельско-баптистского съезда в 1963 году существовало 4 модели взаимодействия: (1) ВСЕХБ готов оказать содействие в регистрации общинам, полностью состоявшим из меннонитов, под названием евангельских христиан-баптистов. Для общин, находившимся под сильным давлением властей, этот путь обещал легализацию и относительный покой в обмен на потерю конфессионального наименования. (2) Меннонитские общины образуют своего рода секцию внутри существующей евангельско-баптистской общины. Они имеют собственные богослужебные собрания на немецком языке и сохраняют свои руководящие структуры, но теряют свое меннонитское название. По такому принципу, например, функционировали немецкие отделения при евангельско-баптистских общинах в Новосибирске и Фрунзе. (3) Меннониты участвуют в работе общины на общих основаниях. Так, например,

29. Ibid., p. 479.

30. Немецко-меннонитское братство. Общины, в которых имеются представители братства. [Статистика ВСЕХБ за 1986–87 гг.; электронная копия].

31. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов.

была построена работа большой общины в г. Канте в Киргизии. В 1980-е гг. она насчитывала около тысячи членов, из которых 85% были немцами, а ее пресвитером был выходец из меннонитов. Основной объем деятельности в общине осуществлялся на русском языке; немецкие собрания были немногочисленными. (4) Отдельные меннониты могут быть приняты в члены общины евангельских христиан-баптистов независимо от формы крещения, если они могут засвидетельствовать свое личное спасение в согласии с пиетистскими принципами.

Общины первых трех моделей теоретически имели возможность сохранить этническую компоненту меннонитской идентичности — язык. Проповеди, общинное и хоровое пение на немецком языке были в порядке вещей. Проблема с языком, однако, существовала. Если старшее поколение выросло в немецком окружении и посещало немецкую школу (они были упразднены в 1938 году), то младшее поколение было подвержено языковой ассимиляции в полном объеме. Немецкий язык оставался языком только семьи и богослужения. Переход на русский язык в 1980-е гг. был в полном разгаре, и только эмиграция в Германию остановила этот процесс.

Выходцы из меннонитов в общинах третьей модели использовали в богослужениях преимущественно русский язык. Для них процесс ассимиляции — языковой и этнической — протекал еще быстрее. Здесь чаще бывали смешанные браки.

Меннониты не оказались под давлением баптистской церковной идентичности, пожалуй, лишь в одном регионе СССР — в Оренбургской области. Местные села вплоть до эмиграции в ФРГ сохранили гомогенный состав населения и даже *платтдойч* в качестве языка улицы. Власти начали регистрировать здесь общины после 1975 года. Общины имели выбор — регистрироваться автономно от ВСЕХБ под наименованием братских меннонитов или в составе ВСЕХБ, но с потерей конфессионального наименования. В 1980-е гг. ВСЕХБ насчитывал здесь девятнадцать общин, из них только пять — автономных[32]. В 1987 году пресвитер одной из оренбургских сельских общин из потомков меннонитов говорил автору: «Для нас главное — вера, а не название».

От своего конфессионального названия отступили и братские меннониты в Омской области. Их колонии когда-то соседствовали с колониями лютеран и баптистов. Когда в 1950-е гг.

32. Немецко-меннонитское братство. С. 54–61.

здесь началось восстановление общин, то на очень раннем этапе было принято решение образовать объединенное братство общин, не делая различия в наименовании. Только в 2006 году это братство официально решило принять наименование евангельских христиан-баптистов, чтобы каким-то образом подчеркнуть свое сходство с другими родственными по вере общинами[33].

Ситуация в Омской области, где объединились меннониты и баптисты, типична для большинства общин, возникших в рассеянии. У каждой этнической группы в составе российских немцев были свои особенности в диалекте и обычаях, и каждая из этих групп видела у себя преимущества перед другими. Подавляющее большинство немецких общин были этнически гетерогенными с некоторым преимуществом меннонитской компоненты (по некоторым оценкам, она составляла около 60% в средней по количеству общине). Таким образом, почти во всех общинах были группы, которые были бы несогласны с меннонитским наименованием для всей общины. Нейтральное наименование «евангельские христиане-баптисты» сглаживало такие конфликты.

Ядром меннонитской идентичности в России был отказ от оружия. Меннониты были единственной евангельской конфессией, которая в 1920-е гг. решительно подтвердила этот принцип перед правительством. Последствия ощущались и четыре десятилетия спустя: мерой меннонитской лояльности по отношению к государству, а следовательно, и вероятностью легализации было все то же отношение к службе в армии. Баптистское большинство в стране, представленное ВСЕХБ, решительно выступало за службу в армии с оружием в руках. Оппозиционный к нему Совет церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ) на практике выступал против оружия и присяги. Меннонитские общины и группы оставляли решение вопроса о присяге на совести призывников и не подвергали церковному взысканию принявших ее.

В 1972 году СЦЕХБ опубликовал информацию о баптисте Иване Моисееве, не принявшем присягу и поплатившемся за это жизнью. Дело получило широкую международную огласку, после чего в армии к отказам от присяги стали относиться значительно более терпимо. После этого стали учащаться случаи отказа от присяги по религиозным мотивам. Среди них были и юноши меннонитского происхождения. Таким образом, важный элемент

33. *Эпп П.* 100 лет под кровом Всевышнего: История Омских общин ЕХБ и их объединения. Омск; Штайнхаген: Samenkorn, 2007. С. 350.

традиционной меннонитской идентичности опять получил право на существование благодаря баптистам.

Диверсификация спектра меннонитской идентичности необходимо предполагает не только расширение поля атрибутов идентификации и даже размывание конфессиональных граней, как правило, с евангельскими христианами-баптистами, но и, в противоположной части спектра, борьбу за некие эксклюзивные качества, которые отличают меннонитов от всех остальных. Идентичность в этом случае выступает как механизм различения с другими конфессиями и размежевания с ними.

Проще всего было церковным меннонитам. Их форма крещения — обливание либо окропление — надежно отгораживала их от баптистского окружения. Правда, их общины были немногочисленными, и они теряли молодежь, которая стремилась в более активные общины евангельских христиан-баптистов.

Важнейшим идентификационным атрибутом является наименование конфессии. Во второй половине XVI в. наименование *меннониты* обеспечивало покровительство в некоторых географических областях. Меннониты в России, даже не очень верующие, не покидали конфессионального поля, поскольку считали себя под защитой царской привилегии и упорно отстаивали ее[34]. Влияние Евангельского альянса среди меннонитов, проявившееся в 1880-х гг. и способствовавшее укреплению духа единства верующих, размывало конфессиональные границы, не останавливаясь перед названиями конфессий. Братские меннониты были более других восприимчивы к этому влиянию.

Находясь после Второй мировой войны под угрозой исчезновения, меннониты, прежде всего братские, обнаружили в евангельских христианах-баптистах союзников, которые были готовы предоставить им кров и принять в свои ряды. На уровне ВСЕХБ после 1963 года меннонитская идентичность приветствовалась — она лишний раз подчеркивала универсальный характер объединения, в котором было место самым разным конфессиям. На локальном уровне дело обстояло иначе. Баптисты, особенно русские, относились к меннонитам настороженно и не принимали в свои общины тех, кто не был крещен погружением. Меннонитам даже пиетистской направленности предлагалось повторить крещение.

Старшие пресвитеры ВСЕХБ предпочитали гомогенную баптистскую среду. Меннонитские особенности сулили дополни-

34. Friesen, A. *In Defence of Privilege*, p. 9.

тельные хлопоты в их и без того неспокойной жизни. Старший пресвитер ВСЕХБ по Киргизской ССР Н. Н. Сизов в 1987 году говорил автору: «У нас все служат в армии и поэтому все — баптисты». Он знал, что первыми евангельскими общинами на обслуживаемой им территории были, начиная с 1883 года, меннониты; как минимум половина членов общин были меннонитского происхождения, как и большинство членов пресвитерского совета.

Еще более однородными были общины СЦЕХБ. Здесь было еще меньше простора для поддержания меннонитской идентичности.

Заключение

Специфический для России ход секуляризации первоначально привел не к растворению оставивших веру в основной массе населения, но к выделению в меннонитской среде прослойки тех, кто начал считать себя меннонитами по культуре, продолжавшими разделять со своим сообществом исторические корни, ментальность и специфический диалект.

Участие части меннонитов в отрядах самообороны во время Гражданской войны расширило число оставивших ядро меннонитского вероучения, но продолжавших идентифицировать себя с меннонитством. Массовые меннонитские организации в 1920-е гг. имели уже не исключительно конфессиональную, но социокультурную и экономическую основы.

После переломных для меннонитского сообщества преследований религии в 1930-е гг. и депортации 1941 года меннонитство осталось этноконфессиональным сообществом, продолжавшим существовать, однако, в чисто конфессиональном виде. Доктринальная близость к евангельским христианам-баптистам, с одной стороны, помогла им выжить, с другой — привела к дальнейшему размыванию меннонитской идентичности, которая, начиная с 1960-х гг., могла сохраняться на уровне семей и культивироваться в немногочисленных общинах, сохранивших свое традиционно меннонитское название.

Библиография/References

Архивные источники

Государственный архив Карагандинской области (ГАКО):

Ф. 1364 Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при исполнительном комитете Карагандинского областного совета депутатов трудящихся.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. 6991 Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Личный архив

Немецко-меннонитское братство. Общины, в которых имеются представители братства. [Статистика ВСЕХБ за 1986–87 гг.; электронная копия].

Литература

Дик Д. Виноградник в прекрасном месте: Сузаново (1911–2011). Нюмбрехт: б. и., 2011.

Ипатов А. Н. Проблема религиозного и национального в современном меннонитстве. Дис. ... к. философ. н. М., 1971.

Ипатов А. Н. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М.: Мысль, 1978.

Ипатов А. Н. Этноконфессиональная общность как социальное явление. (Проблемы взаимодействия религии и этноса). Автореферат дис. ... д. философ. н. М., 1980.

Эпп П. 100 лет под кровом Всевышнего. История Омских общин ЕХБ и их объединения. Омск; Штайнхаген: Samenkorn, 2007.

Этноконфессия в Советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы: Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы/Сост. Савин А. И. Новосибирск: Посох, 2006.

Этноконфессия в Советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы/Сост. и научн. редактор Савин А. И. Новосибирск: Посох, 2009.

Я с вами во все дни до скончания века. Жизнь верующих и общин евангельских христиан-баптистов и меннонитов Караганды и Карагандинской области. Кн. 1. Караганда: б. и., 2001. С. 152.

Literature

Dik, D. (2011) Vinogradnik v prekrasnom meste: Suzanovo [A Vineyard in a Beautiful Place: Susanovo] (1911–2011). Nümbrecht: n. p.

Dyck, J. (2012) A Root of Dry Ground: Revival Patterns in the German Free Churches in the USSR After World War II // *Journal of Mennonite Studies*. V. 30. C. 97–112.

Ehrt, A. (1932) *Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart*. Langensalza: Julius Beltz.

Epp, P. (2007) *100 let pod krovom Vsevyshnego. Istoriia Omskikh obshchin EKhB i ikh ob'edineniia* [One Hundred Years under the Shadow of the Almighty. History of Omsk Evangelical Christian-Baptist Congregations and their Association]. Omsk; Steinhagen: Samenkorn.

Etnokonfessiia v Sovetskom gosudarstve: Mennonity Sibiri v 1920–1980-e gody: Annotirovannyi perechen' arkhivnykh dokumentov i materialov. Izbrannye dokumenty (2006) [Ethno-Confession in the Soviet State: Mennonites in Siberia in 1920-1980s. An Annotated List of Archival Documents. Selected Documents]/Savin A. I. (ed.). Novosibirsk: Posokh.

Etnokonfessiia v Sovetskom gosudarstve: Mennonity Sibiri v 1920–1930-e gody: emigratsiia i repressii. Dokumenty i materialy (2009) [Ethno-Confession in the Soviet State: Mennonites in Siberia in 1920-1930s. Documents and Materials]/Savin A. I. (ed.) Novosibirsk: Posokh.

Fast, V., Penner, J. (2007) *Wasserströme in der Einöde: Die Anfangsgeschichte der Mennoniten-Brüdergemeinde Karaganda 1956–1968*. Steinhagen: Samenkorn.

Friesen, A. (2006) *In Defence of Privilege: Russian Mennonites and the State Before and During World War* I. Winnipeg: Kindred.

Friesen, P. M. (1911) *Die Alt-Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte*. Halbstadt: Raduga.

Ia s vami vo vse dni do skonchaniia veka. Zhizn'veruiushchikh i obshchin evangel'skikh khristian-baptistov i mennonitov Karagandy i Karagandinskoi oblasti. (2001) Kn. 1. [I am with you Always, even into the End of the World. Life of believers and congregations of Evangelical Christians-Baptists and Mennonites in Karaganda and Karaganda Region]. Karaganda: b. i.

Ipatov, A. N. (1971) *Problema religioznogo i natsional'nogo v sovremennom mennonitstve* [Problem of the Religious and the National in Contemporary Mennonitism]. Kand. philosoph. Diss. — Moscow.

Ipatov, A. N. (1978) *Mennonity (Voprosy formirovaniia i evoliutsii etnokonfessional'noi obshchnosti)* [Mennonites (Issues of Formation and Evolution of an Ethno-Confessional Community)]. Moscow: Mysl'.

Ipatov, A. N. (1980) *Etnokonfessional'naia obshchnost' kak sotsial'noe iavlenie*. (Problemy vzaimodeistviia religii i etnosa) [Ethno-confessional Community as a Social Phenomenon (Problems of Interaction of Religion and Ethnos)]. Abstract of a Doct. philosoph. Diss. Moscow.

Janzen, D. (2011) *Das Abendrot der Gemeindezeit: Mennoniten-Brüdergemeinde Donskoje 1901–2000*. Warendorf: n. p.

«Johann Wieler (1839–1889) Among Russian Evangelicals: A New Source of Mennonites and Evangelicalism in Imperial Russia» (1987), *Journal of Mennonite Studies* 5: 44–60.

Krahn, C., Sawatsky, W. (2011) *«Russia», Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online* [http://gameo.org/index. php? title=Russia#Daughter_Settlements_2, accessed on 30.06.2014].

Loewen, H. (1979) *«The German-Russian Tensions among the Mennonites in Russia* (1789–1917)», Friesen, A. (ed.) *P. M. Friesen & his History: Understanding Mennonite Brethren Beginnings*, pp. 133–152. Winnipeg: Christian Press.

Neu Samara am Tock (1890–2003): Eine mennonitische Ansiedlung in Russland östlich der Wolga. (2003) Warendorf, n. p.

Ratzlaff, G. (2001) *Ein Leib — viele Glieder: Die mennonitischen Gemeinden in Paraguay*. Asunción: Gemeindekomitee.

Reimer, J. (2007) «Mennonite rede Plautdietsch. Konfessionalität und Sprache unter Plattdeutschen der ehemaligen UdSSR», *Mennonitische Geschichtsblätter* 64: 55–67.

Stricker, G. (1989) «Deutsches Kirchenwesen in der UdSSR nach 1941», in Basse, O., Stricker, G. (eds) *Religionen in der Ud*SSR*: unbekannte Vielfalt in Geschichte und Gegenwart*, ss. 161–175. Zollikon: G2W.

Toews, John B. (ed.) (1975) *Selected Documents: The Mennonites in Russia from 1917 to 1930*. Winnipeg: Christian Press.

Unruh, H. (2009) *Fügungen und Führungen. Benjamin Heinrich Unruh (1881–1959): Ein Leben im Geiste christlicher Humanität und im Dienste der Nächstenliebe*. Detmold: Verein zur Erforschung und Pflege des Russlanddeutschen Mennonitentums.

Weiss, A. (2012) «The Transition of Siberian Mennonites to Baptists: Causes and Results», *Journal of Mennonite Studies* 30: 133–138.

Wölk, G. (2000) «Frömmigkeit und gemeindliches Leben der Mennoniten in der Sowjetunion», in Hildebrandt, G., Hildebrandt, J. (eds) *200 Jahre Mennoniten in Russland: Aufsätze zu ihrer Geschichte und Kultur,* pp. 227–241. Bolanden-Weierhof: Verl. des Mennonitischen Geschichtsvereins.